

ОТ АВТОРОВ

Работая над этой книгой, мы шли к своей Теме¹ с разных сторон, т. е. от разных предметов, один — от истории европейской философии (прежде всего от Декарта и Канта), другой — от буддологии (прежде всего от сутр Большой колесницы и трактатов Асанги)². Нашу Тему можно было бы назвать таким полупонятным нам самим образом: «Символ — Что? Символ — Чего?» Занимаясь разными вещами, мы часто встречались на пересечениях путей внутренней работы. Тема книги — лишь одно из мест наших встреч. Случайно или не случайно мы оба оказались убежденными в том, что символы — это вещи, а также и в том, что наши психики — это тоже вещи³. Стоит ли говорить, что с такими убеждениями в семиотике далеко не уедешь? Но мы и не хотели в ней далеко уехать. Дело в том, что почти всякий нормальный семиотик полагает (или склонен, должен по-

¹ Мы пишем это слово с большой буквы, подражая в этом Роберту Грэйвзу, когда он говорил о «Теме» в своей чудной книге «Белая Богиня». Здесь, как и в дальнейшем, никаких ссылок на источники не будет. К сносам мы будем прибегать только для выражения побочных линий работы в Теме или для отступлений и общих примеров.

² Оба мы совершенно уверены, что есть (не «существует», а «есть»!) одна философия, по-разному выполненная в текстах разных стран, культур, времен и личностей. Просто одна и та же действующая в ней сила вспыхивала в мире как разные имена.

³ Разумеется, каждый может сказать это только о своей психике (если, конечно, захочет). Но поскольку в этом вопросе мы уже договорились, то здесь говорим о наших двух, ни в коем случае не распространяя этого убеждения на психику других людей.

лагать), что почти всякое явление можно рассматривать как знак какого-то другого явления. В этом мы с семиотикой согласны ровно наполовину, т.е. мы охотно допускаем правомерность такой интенции семиотиков, правомерность их склонности рассматривать мир явлений именно таким образом, а не каким-либо иным. Однако нас отвращает подчеркнутая эпистемологичность такого рассмотрения, ибо нам очень хотелось бы понять: нечто только может рассматриваться как символ, или оно также может быть символом? Отсюда первый вопрос Темы: «Символ — Что?» Но если символ — вещь и то, что он символизирует, тоже вещь, то ни о какой онтологии не может быть и речи, а без онтологии тоска берет за горло, ибо что остается? — Теория описания одних вещей как того, что некоторым образом выражает состояние дел в других вещах!¹ Тогда мы обратились к сознанию как к тому единственному не-что, что есть не-вещь, т.е. что и «есть», и «есть не-вещь». В этой онтологической интенции символ «видится» (или «вспоминается») как такая странная Вещь, которая одним своим концом «выступает» в мире вещей, а другим — «утопает» в действительности сознания. Отсюда второй вопрос Темы: «Символ — Чего?» После этого нам стало ясно, насколько далеко мы уехали от семиотики. И факт этого «отъезда» обусловил общий план работы. Сначала излагается мета-теория сознания в порядке введения в символизм сознания. Потом — общие соображения о символах как простых или сложных (структурных) фактах в их соотношении со знанием и пониманием. И наконец, самые общие соображения о семантике символов, как символов сознания.

Мы глубоко благодарим тех, кто прочтет эту книгу.

М. Мамардашвили, А. Пятигорский
Москва — Химки-Ховрино, 1.1973—1.1974

¹ Включая сюда и психику.